

Л. Б. Модзалевский

ПУШКИН — ЧЛЕН РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ

(По материалам Архива Академии Наук СССР).

3 декабря 1832 г. президент Российской Академии А. С. Шишков вошел в Российскую Академию со следующим предложением, внесенным в протокол заседания от того же числа, состоявшегося под его председательством в присутствии членов Академии: гр. Д. И. Хвостова, П. И. Соколова, Я. Д. Захарова, А. С. Никольского, И. И. Мартынова, И. А. Крылова, А. Х. Востокова, В. А. Поленова, П. А. Загорского, кн. П. А. Ширинского-Шахматова, М. Е. Лобанова, П. Н. Мысловского и Н. С. Мордвинова (§ 2):

«Не благоугодно ли будет г.г. членам Академии в положенное по уставу число избрать в действительные члены Академии нижеследующих особ:

1. Титулярного советника Александра Сергеевича Пушкина.

2. Отставного гвардии полковника Павла Александровича Катенина.

3. В звании камергера и в должности директора московских театров Михаила Николаевича Загоскина.

4. Протоиерея Алексея Ивановича Малова.

5. Действ. ст. советника Дмитрия Ивановича Языкова.

Известные в словесности дарования и сочинения их увольняют меня от подробного оных исчисления».

В результате баллотировки оказалось, что Пушкин, Загоскин и Языков получили по 15 избирательных голосов (13 голосов членов Академии и 2 голоса президента), а Катенин и Малов по 13 голосов избирательных и по 2 голоса неизбирательных. Так как, согласно главе VIII статьи 5 Устава Академии, избрание в действительные члены Академии могло считаться состоявшимся лишь после того, как будут получены голоса и от отсутствовавших на заседании чле-

нов Академии, последним были разосланы, 13, 14, 15 и 16 декабря печатные отношения, от имени П. И. Соколова, с извещением о произведенной баллотировке с просьбою «дабы благоволили прислать в Академию свои голоса в особой запечатанной записке». Ответы на это отношение были получены на имя неперменного секретаря Академии от следующих членов Академии: Л. И. Голенищева-Кутузова, И. И. Ястребцова и Я. А. Дружинина (от 13 декабря), А. Н. Оленина и Д. С. Чижова (от 14 декабря), кн. А. Н. Голицына, К. М. Бороздина, С. С. Уварова и А. Ф. Воейкова (от 16 декабря), гр. Д. Н. Блудова (от 17 декабря), митрополита Новгородского и С.-Петербургского Серафима (от 18 декабря), И. И. Дмитриева (от 21 декабря), Н. Н. Новосильцова (от 23 декабря), А. А. Писарева (от 24 декабря) и М. Т. Каченовского (от 27 декабря)¹.

Из перечисленных 15 лиц подали свои голоса в пользу Пушкина 14 человек, причем Д. Н. Блудов сообщил, что из всех кандидатов он избирает только Пушкина, а митрополит Серафим был «согласен на избрание в действительные члены протоиерея Алексея Малова, а на избрание прочих не может дать согласия своего единственно потому, что они ему не известны».

По получении ответов от отсутствовавших на заседании 3 декабря членов Академии состоялись окончательные выборы Пушкина и других кандидатов в заседании 7 января 1833 г. Подсчет полученных голосов дал следующие результаты: Пушкин — 14, Малов — 14, Языков — 13, Загоскин — 13, Катенин — 12. Вместе с прежними (на заседании 3 декабря) это составило: Пушкин — 29 голосов, Загоскин — 28, Языков — 28, Малов — 27, Катенин — 25. Таким образом избрание Пушкина было почти единогласным (все, кроме митрополита Серафима).

Так как по Уставу требовалось наличие не менее двух третей голосов общего числа членов Академии (60), т. е. 40 голосов, а перечисленные кандидаты получили по меньшему числу их, то президент, воспользовавшись 10-м параграфом той же VIII главы Устава, «приложил остающиеся ныне от не полного числа членов избирательные шары и тем пополнил потребное на сей предмет число голосов», почему «собрание, согласно 5-й статье главы VIII Устава, признав выбор вышеозначенных кандидатов в действительные члены Академии окончательным и утвержденным, поручило секретарю Академии, изготовя на сие звание дипломы, представить оные г. Президенту для подписания и потом препроводить оные новоизбранным

¹ Некоторые из этих писем напечатаны М. И. Сухомятиным в его «Истории Российской Академии», т. VII, стр. 79—82, СПб. 1885.

членам при письмах»¹. Диплом на звание члена Академии выдан был Пушкину 13 января 1833 г. за подписью А. С. Шишкова².

Первый биограф Пушкина П. В. Анненков говорит, что «в остальную часть зимы [1833 г.] Пушкин прилежно посещал заседания Академии по субботам: он вообще весьма серьезно смотрел на труды и обязанности ученого сословия, что доказывается и некоторыми статьями его, каковы: «Российская Академия» и «О мнении М. Е. Лобанова»³. В отношении посещения Пушкиным заседаний, как показывают материалы, утверждение это не совсем верно. Пушкин посетил заседания Академии всего 8 раз; 7 раз в 1833 г. (28 января, 4 и 25 февраля, 11 и 18 марта, 13 мая и 10 июня) и 1 раз в 1834 г. (8 декабря); посещение 1834 г. было последним.

П. А. Катенин рассказывает в своих воспоминаниях о Пушкине: «Генваря 7-го 1833-го года мы оба приняты были в члены тогда существовавшей Российской Академии, куда и явились в первый раз вместе; сначала довольно усердно посещал он ее собрания по субботам, но вскоре исключительные толки о Словаре ему наскучили, и он показывался только в необыкновенные дни, когда приступали к выбору новых членов взамен убылых. Я был гораздо исправнее, только до сентября»⁴. Присутствуя на заседаниях, Пушкин был пассивен, не сделал ни одного сообщения и вообще не выступал; по крайней мере в протоколах заседания нет ни одной записи подобного рода. (Причины такого отношения Пушкина к делам Академии вполне понятны и изложены нами ниже). Пушкин участвовал лишь в выборах новых членов (например, 8 декабря 1834 г. при баллотировке С. В. Руссова, подписав в этот же день вместе с другими членами Академии предложение А. С. Шишкова о напечатании за счет Академии «Краткого священного словаря». А. И. Малова)⁵. Один раз он косвенно способствовал ходатайству вдовы А. А. Шишкова об издании его трудов⁶.

¹ «Записки заседаний Академии за 1832 г.», лл. 131 и 131 об.; за 1833 г. л. 2, 2 об. и 3; дело о выборе Пушкина и др. в Архиве Академии Наук СССР, фонд 8; М. И. Сухомлинов, «История Российской Академии», вып. VII, стр. 77—84 и 472, СПб. 1885.

² См. П. В. Анненков, *Материалы для биографии Пушкина*, изд. 2-е, стр. 350, СПб. 1873; диплом, а также официальное извещение об избрании в 1913 г. составляли собственность А. А. Пушкина — см. в «Ниве», № 41 стр. 808, 1913.

³ «Материалы для биографии Пушкина», изд. 2-е, стр. 350, СПб. 1873.

⁴ «Литературное наследство», № 16—18, стр. 639, ср. *ibid.*, стр. 652—653.

⁵ См. М. И. Сухомлинов, *op. cit.*, стр. 83, и «Рукою Пушкина», под ред. М. А. Цявловского, Л. Б. Модзалевского и Т. Г. Зенгер, стр. 773—775, Л. 1935.

⁶ Подробнее см. в книге И. А. Шляпкина «Из неизданных бумаг А. С. Пушкина», стр. 93—96, СПб. 1903; «Переписка Пушкина», т. III, стр. 14—15, письмо Н. И. Греча, и в названной книге «Рукою Пушкина», стр. 820—823.

Участвовал ли Пушкин в помощи слависту Ю. И. Венелину, по просьбе М. П. Погодина¹, неизвестно; никаких прямых указаний в делах Академии на это не имеется. То же можно сказать и о письме П. А. Катенина к Пушкину от 8 февраля 1833 г. о праздновании осенью этого года пятидесятилетнего юбилея Академии².

Сохранился еще черновик письма Пушкина к неперемемному секретарю Академии П. И. Соколову от конца мая 1833 г. по поводу избрания сенатора Д. О. Баранова в действительные члены Академии³. Однако это письмо является также свидетельством лишь формального участия его в работах Академии, и притом в самом начале его избрания в Академию. Уже в 1835 г. на избрание в члены ее архимандрита Иннокентия Пушкин никак не отозвался, несмотря на официальное предложение П. И. Соколова, что видно из отметки последнего в деле Академии, хранящемся в Архиве Академии Наук⁴. Статья же Пушкина «Российская Академия», появившаяся в 1836 г. в его журнале «Современник» и посвященная академическому заседанию 18 января 1836 г., на котором Пушкин не присутствовал, написана им по протоколу этого заседания⁵ и стоит совсем в стороне от текущих работ Академии, так же как и статья его о «Мнении М. Е. Лобанова»⁶.

Из немногих высказываний Пушкина об Академии в его дневнике и в письмах можно вывести заключение, что он отрицательно относился как к деятельности Академии в целом, так и к некоторым ее членам и к ее президенту А. С. Шишкову. В атмосфере академической схоластики Пушкину было душно работать вместе с «попами, которыми Шишков набил Академию»⁷. Он вскоре совсем бросил посещать ее заседания, обращаясь иногда к Шишкову лишь за получением пожетонного вознаграждения⁸.

¹ См. его письмо к поэту в «Переписке Пушкина», т. III, стр. 20—21.

² Там же, стр. 5.

³ См. «Письма Пушкина», т. III, под ред. Л. Б. Модзалевского, стр. 92 и 586—587, Л. 1935.

⁴ № 69 за 1835 г.

⁵ Напечатанному под заглавием: «Заседание, бывшее в Российской Академии 18 января 1836 г.» (Экземпляр этого издания с карандашными пометками поэта недавно обнаружен в коллекции А. Ф. Онегина, хранящейся в Институте литературы — Пушкинском Доме — Академии Наук. См. в «Литературном наследстве» № 16—18, стр. 1021).

⁶ Об этих статьях см. в комментариях Н. К. Козмина в т. IX акад. изд. Соч. Пушкина, ч. 2, стр. 760—779, 795—805, 976.

⁷ Выражение Пушкина в его «Дневнике» (издание под ред. Л. Б. Модзалевского, стр. 26 и 242—243. Пг., 1923; ср. московское издание, стр. 535—537, 1923).

⁸ «Переписка Пушкина», т. III, стр. 141; см. также П. И. Барте́нев. «Рассказы о Пушкине», под ред. М. А. Цявловского, стр. 43 и 112, М. 1925.

Интересную характеристику отношения Пушкина к Академии дают отзывы современников; их переписка отражает также впечатление, произведенное на них избранием Пушкина в Академию. Так, кн. П. А. Вяземский писал В. А. Жуковскому 13 декабря 1832 г.: «А знаешь ли, что Пушкин твой брат по Академии? Каков Шишков! И это под стать превращений. Шишков велел сказать Блудову, что он предложил бы и Батюшкова, не будь он сумасшедший»¹. Тот же Вяземский сообщал А. Н. Тургеневу 24 ноября 1832 г.²: «Пушкин единогласно избран членом Академии, но чтобы не слишком возгордился сею честью, вместе с ним избран и Загоскин»³.

На следующий день после первого заседания, на котором присутствовал Пушкин, Вяземский писал Жуковскому (29 января 1833 г.): «Пушкин был на-днях [28 января] в Академии и рассказывал уморительные вещи о бесчинстве заседания. [П. А.] Катенин избран в члены и загорланил там. Они помышляют о новом издании Словаря. Пушкин более всего недоволен завтраком, состоящим из дурного винегрета для закуски и разных водок. Он хочет первым предложением своим подать голос, чтобы наняли хорошего повара и покупали хорошее вино французское»⁴.

По словам П. А. Плетнева, П. А. Катенин произвел «сильную тревогу» в Академии тем, что вступил в спор с П. И. Соколовым по поводу слова «бурка», включавшегося в Словарь русского языка (на заседании 28 января 1833 г.); это сильно «забавляло Пушкина, который также член Российской Академии, и следовательно безденежно, даже с барышем монеты в четвертак, может слушать их и глядеть на такую комедию»⁵. Действительно, в протоколе этого заседания записано:

«В нынешнее заседание читано было продолжение 15-го корректурного листа Словаря Российского, вновь Академией издаваемого; также рассматриваемы были замечания, сообщенные некоторыми гг. членами, лист сей предварительно рассматривавшими. Прочитано по слово *Бурка*»⁶.

¹ «Русский Архив» 1900 г., кн. I, стр. 367.

² По вопросу о дате ср. соображения Н. О. Лернера в «Трудах и днях Пушкина», стр. 274, СПб., 1910.

³ «Русский Архив» 1884 г., кн. II, стр. 422; П. И. Баргенов, «Пушкин», кн. II, стр. 54, Соч. кн. П. П. Вяземского, стр. 536—537, СПб. 1893.

⁴ «Русский Архив» 1900 г., кн. I, стр. 369.

⁵ Письмо к В. А. Жуковскому 11 марта 1833 г. в «Русском Архиве» 1875 г., кн. II, стр. 467—468 и Сочинения и переписка Плетнева, т. III, стр. 526—527, СПб., 1885.

⁶ Архив Академии Наук СССР, фонд 8, записки заседаний 28 января 1833 г., § I. См. также М. И. Сухомятов. История Российской Академии. т. VII, стр. 83, СПб. 1885, где приводятся выдержки из протоколов других заседаний.

А. М. Языков писал 1 октября того же года В. Д. Комовскому: «Мы от него [то-есть от Пушкина] первые узнали, что он и Катенин избраны членами Российской Академии и что последний производит там большой шум, оживляя сим сонных толмачей, иереев и моряков. Во второй раз уже дошло до того, что ему прочли параграф устава, которым велено выводить из заседания членов непристойно себя ведущих. Старики видят свою ошибку, но делать уже нечего: зло посреди их; вековое спокойствие нарушено навсегда, или по крайней мере надолго»¹.

Но ни Пушкин, ни Катенин вдвоем не могли сломать прочно утвердившиеся традиции Академии. Пушкин разочаровался в возможности при существовавшей тогда в Академии обстановке проявить свою энергию и оздоровить академическую работу. В своей статье 1836 г. об Академии Пушкин писал, что хотя последняя и принесла «истинную пользу нашему прекрасному языку» и совершила «столь много знаменитых подвигов», ей все же необходимо «ободрить, оживить отечественную словесность»².

Смерть Пушкина была официально отмечена в последнем (14) параграфе протокола заседания Академии 30 января 1837 г.: «Непременный секретарь исполнил печальный долг возвещением о кончине действительного члена Академии Александра Сергеевича Пушкина, последовавшей сего 29 января на тридцать седьмом году от рождения. Собрание, приняв с величайшею скорбью сие печальное извещение, определило: во уважение заслуг, оказанных покойным российской словесности, написать на счет Академии портрет его и поставить в зале собрания»³.

Копия с портрета Пушкина работы О. А. Кипренского была заказана Академией художнику Вишневецкому за триста рублей. В октябре 1837 г. заказ был им выполнен⁴, и портрет приобретен к картинной галлерее Академии. В настоящее время он хранится в Институте литературы (Пушкинском доме) Академии Наук СССР. В последние годы перед закрытием Российской Академии (в 1841 г.) она не вспомнила более о своем гениальном действительном члене и продолжала попрежнему заниматься корректурами словаря русского языка.

¹ «Историч. Вестник» № 12, стр. 537, 1883.

² См. также в Соч. Пушкина под ред. С. А. Венгерова. т. VI, стр. 488—489; рассказ И. П. Сахарова в «Русском Архиве» 1873, кн. II, стр. 960—961, и в статье Л. К. Ильинского в изд. «Пушкин и его современники», вып. XXXVIII—XXXIX, стр. 208.

³ М. И. Сухомлинов, *op. cit.*, стр. 84.

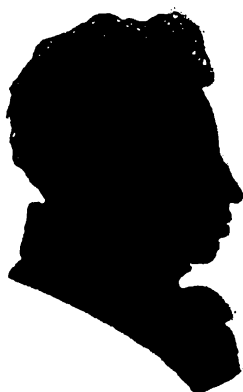
⁴ Там же, стр. 84 и 493 и 494.

TABLE DES MATIÈRES

	Pages
A. S. Bubnov. Géant de la culture russe	1
I. K. Luppou. La vie de A. S. Pouchkine et son oeuvre	10
V. J. Kirpotin. Les conceptions de A. S. Pouchkine	19
P. I. Lebedev-Poljanskij. A. S. Pouchkine dans l'histoire de la pensée sociale russe	36
A. M. Egolin. Le grand poète national	48
J. J. Eiduk. Marx et Engels sur Pouchkine et la littérature russe	62
S. D. Balukhatyj. A. M. Gorky sur Pouchkine	69
A. S. Orlov, de l'Académie. Pouchkine—créateur de la langue russe littéraire	79
V. V. Vinogradov. Pouchkine et la langue russe	88
M. A. Tsjavlovskij. La destinée des manuscrits posthumes de Pouchkine	109
P. S. Popov. Pouchkine historien	128
M. V. Nechkina. Pouchkine et les participants de l'insurrection de décembre 1825	150
D. D. Blagoj. Sur les voies de la composition de la biographie scientifique de Pouchkine	169
N. F. Belchikov. Pouchkine et les démocrates révolutionnaires des 60 ièmes années	178
V. I. Neustadt. Pouchkine et l'opinion des critiques de l'Europe occidentale	199
P. N. Berkov. Les traductions des oeuvres de Pouchkine dans les pays de l'Europe occidentale	220
L. B. Modzalevskij. L'héritage épistolaire de Pouchkine	230
N. I. Mordovchenko. Le travail de Belinskij sur les textes de Pouchkine	236
L. B. Modzalevskij. Pouchkine—membre de l'Académie russe .	245

**ВЕСТНИК
АКАДЕМИИ НАУК
СССР**

1 8 3 7 - 1 9 3 7

2-3

**ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА ЛЕНИНГРАД
1937**